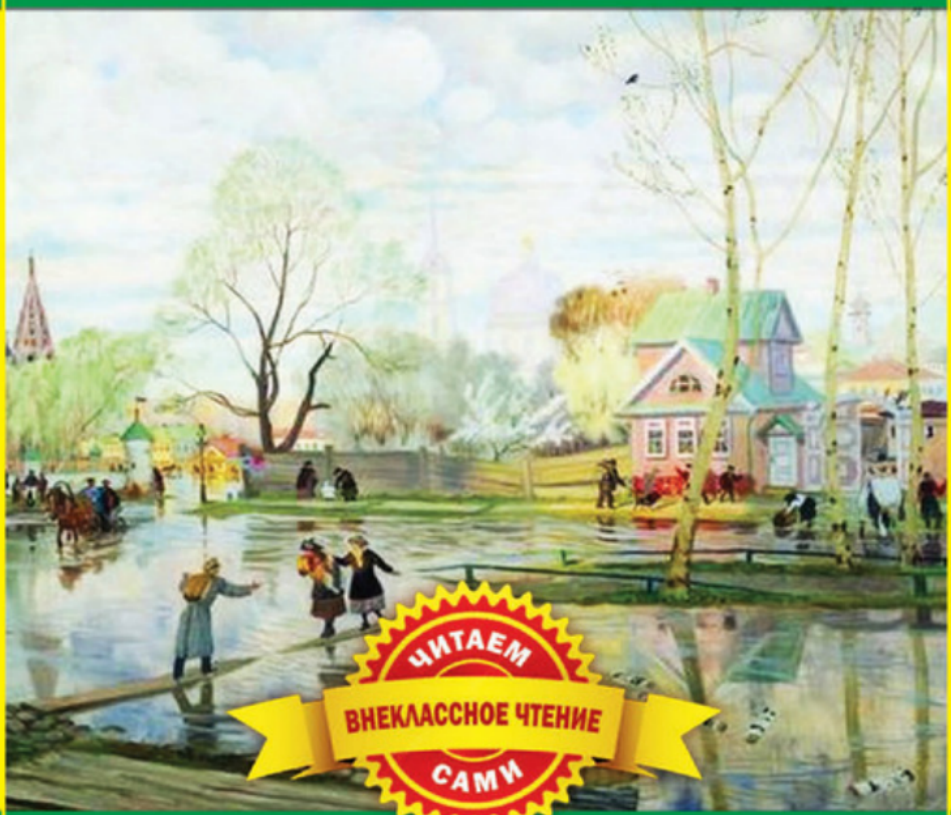
ВЕСНА



ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

1-4 КЛАСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книжка – одна из четырёх в серии, посвящённых временам года. Об «утре года», весне и связанных с нею сюжетах рассказывают стихи и проза русских поэтов и писателей XIX – XX веков.

Читая эти произведения, ребёнок сможет хорошо подготовиться к урокам чтения и литературы и познакомиться со стихами и прозой, которые не включены в традиционные хрестоматии и учебники.

- Составитель С. Ф. Дмитренко
  - Родителям, учителям и любознательным школьникам
  - Песня масленицы
  - Веснянки
  - Фёдор Глинка
  - Александр Бестужев
  - Фёдор Тютчев
  - Алексей К. Толстой
  - Аполлон Майков
  - Афанасий Фет
  - Николай Некрасов
  - Алексей Жемчужников
  - Алексей Плещеев
  - Арсений Голенищев-Кутузов
  - Спиридон Дрожжин
  - Константин Фофанов
  - Марина Цветаева
  - Алексей Ремизов
  - Александр Куприн

Составитель С. Ф. Дмитренко
Весна. Произведения русских писателей о весне

Родителям, учителям и любознательным школьникам

Эта книга не заменяет, а существенно дополняет традиционные хрестоматии и сборники по литературному чтению. Поэтому вы не найдёте здесь многих знаменитых произведений, постоянно перепечатывающихся и включённых в названные книги. К счастью, русская литература неисчерпаемо богата, и расширять свой круг чтения можно бесконечно, было бы увлечение.

Эта книжка – одна из четырёх в серии, посвящённых временам года. Об «утре года», весне и связанных с нею сюжетах рассказывают стихи и проза русских поэтов и писателей XIX – XX веков. А открывается сборник русскими народно-поэтическими, фольклорными песнями. Именно весне в нашей народной календарной поэзии посвящено множество песен, присловий, загадок, удивительных по своей художественной красоте и гармоничности. Так, песни масленицы посвящены древнейшему празднику, и разделяющему и соединяющему две половины года – осенне-зимнюю и весенне-летнюю, тёмное и светлое, студёное и солнечное.

В эпоху всеобщего распространения Интернета и лёгкости получения посредством его любой справки и пояснения мы решили обойтись без систематических комментариев к текстам и подробных биографических справок о писателях. Кому-то из читателей они могут понадобиться, кому-то – нет, но во всяком случае каждый школьник получает прекрасную возможность убедиться, что самостоятельный поиск толкований непонятных слов и выражений в Интернете не менее увлекателен, чем

знаменитые «стрелялки» и тому подобные аттракционы.

Также надеемся, что чтение книг нашей серии вызовет у школьников желание прочитать и другие произведения прекрасных русских писателей, тем более что некоторые печатаемые здесь стихотворения и прозу мы по понятным причинам вынуждены давать в сокращении.

Доброго вам чтения!

Песня масленицы

То не ветры буйные взбушевалися,
То не реки быстрые разыгралися, —
То люди с масленкой распрощалися.
Отъезжаю я в леса дремучие,
Увезу с собой снега сыпучие,
Снега сыпучие, морозы трескучие.
А вам – встретить весну красную.
Ладьте борону, правьте сошеньку,
Чтоб уработати землю-матушку,
Чтоб засеять её зерном-золотом…
Поле – морюшко, хлеб волнуется,
Наливной колос к земле клонится…
И пойдёте с серпом гулять по полю,
Жать, вязать в снопы рожь высокую,
И на меже в скирды снопы сложите, —
Полны закрома зерна-золота!

Веснянки

«С летом зимушка повстречалася…»

С летом зимушка повстречалася,
О здоровьице всё справлялася:
– Бью челом тебе, лето тёплое!
– Ой, здорова будь, зима снежная.
– Почему тебя величают все,
Меня, зимушку, проклинают все?
– Потому что ты больно лютая,
И холодная, и голодная.
Я же сытое, да и тёплое,
Все луга, все леса орошаю я,
Все луга, все леса оживляю я!

«Жаворонки, прилетите…»

Жаворонки, прилетите,
Красну вёсну принесите!
Нам зима-то надоела,
И весь хлеб у нас поела,
И дрова все пожгла,
И солому всю пожгла,
Молоко всё унесла!

Жавороночек!
Принеси весну
На своём хвосту,
На сохе, бороне,
На ржаной копне,
На ржаной копне,
На овсяном снопе!

Жаворонок, жаворонок!
На тебе зиму,
А нам – лето!
На тебе сани,
А нам – телегу!

«Приди, приди, весна…»

Приди, приди, весна,
Приди, приди, красна.
Принеси нам дождя,
Принеси цветочки
Нам свить веночки.
Едет весна, едет
На золотом коне,
В зелёном саяне,
Правой ручкой сеет.
Везёт, везёт весна,
Везёт, везёт красна
Ясные денечки,
Чистые дождочки,
Зелёные травы,
Красные цветочки
Нам на веночки!

Фёдор Глинка

Весна

Уже душистей стали ели,
И пахнет в воздухе смолой;
Уже луга зазеленели,
И мох кудрится над скалой.

Разделись синие заливы,
И лодки ходят по реке;
Уже заколосились нивы,
И слышно стадо вдалеке…

И воздух полон тишиною,
И как им сладостно дышать!
Так сердце с жизнью неземною
Вдыхает неба благодать.

Между 9 марта – 31 мая, 1826

Александр Бестужев

Оживление

Чуть крылатая весна
Радостью повеет,
Оживает старина,
Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
Осеняя вежды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

<1829>

Фёдор Тютчев

Весна

Как ни гнетёт рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна… она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор её сияет
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

<…>

<1838>

Алексей К. Толстой

«Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо…»

Вновь растворилась дверь на влажное
крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Тёплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Ещё трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла
иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность,
и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесёт души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!

25 декабря 1870

Аполлон Майков

«Боже мой! вчера – ненастье…»

Боже мой! вчера – ненастье,
А сегодня – что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветёт сирень…
А ещё ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой
Вдруг на сонную-то брызну…
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!

1855

Афанасий Фет

Ещё майская ночь

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг
и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд её убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть

1857

Николай Некрасов

«Надрывается сердце от муки…»

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.
Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зелёные травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржёт жеребёнок,
Бык с землёй вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны – напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, – в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось…
Я наслушался шума инова…
Оглушённый, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1863

Алексей Жемчужников

С гор потоки

Весна, весна – по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом…
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —
И в то же время повсеместно
Всё о страданьях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат весёлые ручьи.

1893
Стенькино

Алексей Плещеев

Весна

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною…
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждёт чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» – читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь – лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят – кто больше всех
Природы любит обновленье!

1872

Арсений Голенищев-Кутузов

«Прошумели весенние воды…»

Прошумели весенние воды,
Загремели весёлые грозы,
В одеяньях воскресшей природы
Расцвели гиацинты и розы.

Принеслись от далеких поморий
Перёлетные певчие птицы;
В небесах светлоокие зори
Во всю ночь не смыкают зеницы.

Но и в бледной тиши их сияний
Внятен жизни таинственный лепет,
Внятны звуки незримых лобзаний
И любви торжествующей трепет.

Пробудись же в сердцах, умиленье,
Расступись, мрак печали угрюмый,
Прочь гнетущее душу сомненье,
Прочь недобрые, зимние думы!

Сердце полно живительной веры
В эти громы победной природы,
В эти песни о счастье без меры,
В эти зори любви и свободы!

1884

Спиридон Дрожжин

«Жар весенних лучей…»

Жар весенних лучей
И томит и живит,
С гор спадая, ручей
По каменьям журчит,
Старый пахарь межой
За сохою идёт,
А в селе за рекой
Кто-то песню ведёт.
Смотрит весело день
На поля и леса,
Только облачка тень
Бороздит небеса.

1880

Константин Фофанов

После грозы

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождём;
Пахнет почкою берёзовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюблённая душа.

Вспышкой жизнь её сказалася;
Ей любить пришла пора —
Засмеялась… разрыдалася…
И умолкла до утра!..

1892

«Под напев молитв пасхальных…»

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов,
К нам летит весна из дальних
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют тёмные леса,
Небо блещет, точно море,
Море – точно небеса.

Сосны – в бархате зелёном,
И душистая смола

По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком

1887

Марина Цветаева

«Сини подмосковные холмы…»

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть тёплом – пыль и дёготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, —
должно быть,
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колёс и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом…
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

Пасха в апреле

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски…
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, вешняя зорька,
Волны пасхального звона…
Вот у соседей заплакал так горько

Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни…
Многое было, ах, многое было…
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно… Лучи догорели…
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

Алексей Ремизов
(Из книги «Посолонь»)

Весна-красна монашек

Мне сказали, там кто-то пришёл, в сенях стоит.

Вышел я из комнаты, а там, гляжу, – монашек стоит.

– Здравствуй! – говорит и смотрит на меня пристально, словно проверяет что-то.

Маленький монашек, беленький.

– Здравствуй, что тебе надо?

– Так, по домикам хожу. – Подаёт мне веточку.

– Что это, монашек, никак листочки!

– Листочки. – И улыбается.

А я уж от радости не знаю, что и делать. Комната, рамы – и вдруг эта ветка с зелёными, совсем-совсем крохотными маслеными листочками.

– Хочешь, монашек, баранок турецких, у нас тут на углу пекут?

– Нет.

– Чего же тебе, молочка хочешь?

– Нет.

– Ну, яблочков?

– Медку бы съел немножко.

– Медку… Господи, монашек!.. Я тебя где-то видел.

Монашек улыбается.

Крепко держу зелёную ветку. Листочки выглядывают.

Моя ветка, мои листочки!

Монашек стоит, улыбается.

Красочки

– Динь-динь-динь…
– Кто там?
– Ангел.
– Зачем?
– За цветом.
– За каким?
– За незабудкой.

Вышла Незабудка, заискрились синие глазки. Принял Ангел синюю крошку, прижал к тёплому белому крылышку и полетел.

– Стук-стук-стук…
– Кто там?
– Бес.
– Зачем?
– За цветом.
– За каким?
– За ромашкой!

Вышла Ромашка, протянула белые ручки. Пощекотал Бес вертушке жёлтенькое пузичко, подхватил себе на мохнатые лапки и убежал.

– Динь-динь-динь…
– Кто там?
– Ангел.
– Зачем?
– За цветом.
– За каким?
– За фиалкой.

Вышла Фиалка, кивнула голубенькой головкой. Приголубил Ангел черноглазку и полетел.

– Стук-стук-стук…
– Кто там?
– Бес.
– Зачем?
– За цветом.
– За каким?
– За гвоздикой.

Вышла Гвоздика, зарумянились белые щёчки. Бес её в охапку и убежал.

Опять звонил колокольчик – прилетал Ангел, спрашивал цвет, брал цветочек. Опять колотила колотушка – прибегал Бес, спрашивал цвет, забирал цветочек.

Так все цветы и разобрали.

Сели Ангел и Бес на пригорке в солнышко. Бес со своими цветами налево, Ангел со своими цветами направо.

Тихо у Ангела. Гладят тихонько цветочки белые крылышки,

дуют тихонько на пёрышки.

Уговор не смеяться, кто засмеётся, тот пойдёт к Бесу.

Ангел смотрит серьёзно.

– В чём ты грешна, Незабудка? – начинает исповедовать плутовку.

Незабудка потупила глазки, губки кусает – вот рассмеётся.

Налево у Беса такое творится, будь ты кисель киселём, и то засмеёшься. Поджигал Бес цветочки: сам мордочку строит – цветочки мордочку строят, сам делает моську – цветочки делают моську, сам рожицы корчит – цветочки рожицы корчат, мяукают, кукуют, юлой юлят и так-то и этак-то – вот как!

Незабудка разинула ротик и прыснула.

– Иди, иди к Бесу! – закричали цветочки.

Пошла Незабудка налево.

Тихо у Ангела. Гладят тихонько цветочки белые крылышки, дуют тихонько на пёрышки.

А налево гуготня – Бес тешится.

Ангел смотрит серьёзно, исповедует:

– В чём ты грешна, Фиалка?

Насупила бровки Фиалка, крепилась-крепилась, не вытерпела и улыбнулась.

– Иди, иди к Бесу! – кричали цветочки.

Пошла Фиалка налево.

Так все цветочки, какие были у Ангела, не могли удержаться и расхохотались.

И стало у Беса многое множество и белых и синих – целый лужок.

Высоко стояло на небе солнышко, играло по лужку зайчиком.

Тут прибежало откуда-то семь бесенят, и ещё семь бесенят, и ещё семь, и такую возню подняли, такого рогача-стрекоча задавать пустились, кувыркались, скакали, пищали, бодались, плясали, да так, что и сказать невозможно.

Цветочки туда же, за ними – и! как весело – только платьица развеваются синенькие, беленькие.

Кружились-кружились. Оголтели совсем бесенята, полезли мять цветочки да тискать, а где под шумок и щипнут, ой-ой как!

Измятые цветочки уж едва качаются. Попить запросили.

Ангел поднялся с горки, поманил белым крылышком тёмную тучку. Приплыла тёмная тучка, улыбнулась. Пошёл дождик.

Цветочки и попили досыта.

А бесенята тем временем в кусты попрятались. Бесенята дождика не любят, потому что они и не пьют.

Ангел увидел, что цветочкам довольно водицы, махнул белым крылышком, сказал тучке:

– Будет, тучка, плыви себе.

Поплыла тучка. Показалось солнышко.

Ангелята явились, устроили радугу.

А цветочки схватились за ручки да бегом горелками с горки —

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло…

Очухались бесенята, вылезли из-под кустика да сломя голову за цветочками, а уж не догнать – далеко. Покрутились-повертелись, показали ангелятам шишики, да и рассыпались по полю.

Тихо летели над полем птицы, возвращались из тёплой сторонки.

Бесенята ковырялись в земле, курлыкали – птичек считали, а с ними и Бес-зажига рогатый.

Кострома

Чуть только лес оденется листочками и тёплое небо завьётся белесыми хохолками, сбросит Кострома свою колючку – ежовую шубку, протрёт глазыньки да из овина на все четыре стороны, куда взглянется, и пойдёт себе.

Идёт она по талым болотцам, по вспаханным полям да где-нибудь на зелёной лужайке и заляжет; лежит-валяется, брюшко себе лапкой почёсывает, брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Любит Кострома попраздновать, блинков поесть да кисельку клюквенного со сливочками да с пеночками. А так она никого не ест, только представляется: поймает своим жёлтеньким усиком мушку какую либо букашку, пососёт язычком медовые крылышки, а потом и выпустит – пускай их!

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Ещё любит Кострома с малыми ребятками повозиться,

поваландаться: по сердцу ей лепуны-щекотуньи махонькие.

Знает она про то, что в колыбельках деется, и кто грудь сосёт, и кто молочко хлебает, зовёт каждое дитё по имени и всех отличить может.

И все от мала до велика величают Кострому песенкой.

На то она и Кострома-Костромушка.

Лежит Кострома, валяется, разминает свои белые косточки, брюшком прямо к солнышку.

Заприметят где ребятишки её рожицу, да айда гурьбой взапуски. И скачут пичужки пёстренькие, бегут бегом, тянутся ленточкой и чувыркают-чивикают, как воробышки.

А нагрянут на лужайку, возьмут друг дружку за руки да кругом вкруг Костромушки и пойдут плясать.

Пляшут и пляшут, поют песенку.

А она лежит, лежона-нежона, нежится, валяется.

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Спит.

И опять закружатся, завертятся, ножками топают-притопывают, а голосочки, как бубенчики, и звенят и заливаются, – не угнаться и птице за такими свистульками.

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Встаёт.

Встаёт Кострома, подымается на лапочки, обводит глазыньками, поводит жёлтеньким усиком, прилаживается: кого бы ей наперёд поймать.

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Чешется.

Так круг за кругом ходят по солнцу вкруг Костромушки, играют песенку, допытывают: что Кострома поделывает?

А Кострома-Костромушка и попила, и поела, и в баню пошла, и из бани вернулась, села чай пить, чаю попила, прикурнула на немножечко, встала, гулять собирается…

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Померла.

Померла Кострома, померла!

И подымается такой крик и визг, что сами звери-зверюшки,

какие вышли было из-за ельников на Костромушку поглазеть, лататы на попятный, – вот какой крик и визг!

И бросаются все взахлёст на мёртвую, поднимают её к себе на руки и несут хоронить к ключику.

Померла Кострома, померла!

Идут и идут, несут мёртвую, несут Костромушку, поют песенку.

Вьётся песенка, перепархивает, голубым жучком со цветка по травушке, повевает ветерком, расплетает у девочек коски, машет ленточками и звенит-жужжит, откликается далеко за тем синим лесом.

Поле проходят, полянку, лесок за леском, проходят калиновый мост, вот и овражек, вот ключик – и бежит и недвижен – серая искорка-пчёлка…

И вдруг раскрывает Кострома свои мёртвые глазыньки, пошевеливает жёлтеньким усиком, – ам!

Ожила Кострома, ожила!

С криком и визгом роняют наземь Костромушку да кто куда – врассыпную.

Мигом вскочила Костромушка на ноги да бегом, бегом – догнала, переловила всех, – возятся. Стог из цветочков! Хохоту, хохоту сколько, – писк, визготня. Щекочет, целует, козочку делает, усиком водит, бодается, сама поддаётся, – попалась! Гляньте-ка! гляньте-ка, как забарахтались! – повалили Костромушку, салазки загнули, щиплют, щекочут – мала куча, да не совсем! И! – рассыпался стог из цветочков.

Ожила Кострома, ожила!

Вырвалась Костромушка да проворно к ключику, припала к ключику, насытилась и опять на лужайку пошла.

И легла на зелёную, на прохладную. Лежит, развалилась, валяется, лапкой брюшко почёсывает, – брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Там распаханные поля зеленей зеленятся, там в синем лесе из нор и берлог выходят, идут и текут по чёрным утолокам, по пробойным тропам Божии звери, там на гиблом болоте в красном ивняке Леснь-птица гнездо вьёт, там за болотом, за лесом Егорий кнутом ударяет…

Песенка вьётся, перепархивает со цветочка по травушке, пёстрая песенка-ленточка…

А над полем и полем, лесом и лесом прямо над Костромушкой – небо – церковь хлебная, калачом заперта, блином затворена.

Кошки и мышки

Путались мышки в поле. Тащили кулёк с костяными зубами: немало их за зиму попало от ребят в норку. А теперь приходила пора за зуб костяной отдавать зуб железный, а много ли надо зубов, мышки не знали.

Путь им лежал полем в молоденький березняк. Там под Заячьими ушками – ландышами, у Громовой стрелки могли они хорошо примоститься и сладить нелёгкое дело. Ни Громовая стрелка, ни белые Заячьи ушки не выдадут мышек.

Прошёл вечор дождик с громом да с молнией, и жарынь, что твоё лето.

Подвигались мышки не споро.

Одна мышка во главе шла, казала дорогу хвостиком, – свистуха отчаянная, дурила всем мышкам голову.

– Никого я не боюсь, – егозила егоза, подшаркивала розовой лапочкой, – самому Коту на лапу наступлю, ищи-свищи, вывернусь!

Пыхтели мышки, диву давались, да отговор сказывали: накличет ещё беды какой,

ног не соберёшь.

А уж Кот-Котонай и идёт с своей Котофеевной, пыжит седые усищи, поёт песенку.

Мышка на него:

– Кто ты такой?

– Да я Кот-Котонай! – удивился Кот.

– А я тебя не боюсь.

– Чего меня бояться, – завёл Котонай сладко зелёные глазки, – я ничего худого не сделаю.

– А тебе меня не поймать!

– Ну, это ещё посмотрим.

– И не смотревши…

Но уж Кот наершился, прицелил глаз, хотел на мышку броситься.

А мышка стала на пяточки, поджала хвостик промеж лапок, пошевеливает хвостиком.

– Нет уж, – говорит, – так этого не полагается, ты сядь вот тут на камушек и сиди смирно, а нам давай твою Котофеевну, и пускай она меня ловит.

Потянулся Кот-Котонай, мигнул Котофеевне. Пошла Котофеевна к мышкам, сам уселся на камушек, задрал заднюю лапу вверх пальцем, запрятал мордочку в брюшко, стал искаться.

Блоховат был Кот, строковат Котонай, пел песенку.

– Мы с тобой, кошка, станем в серёдку, а они пускай за лапки держатся и пускай вокруг нас вертятся, я куда хо-

чу, туда могу выскочить, а тебе будет двое ворот, вот эти да эти, ну, раз, два, три – лови!

Пискнула мышка да с кона от кошки жиг! – закружилась.

Кошка за мышкой, мышка от кошки, кошка налево, мышка направо, кошка лапкой хвать мышку, а мышка:

– Брысь, кошка! – да за ворота: – Что, кошка, съела?

Крутится, вертится, мечется кошка.

Крутятся, кружатся, вертятся мышки, держатся крепко за лапки, да дальше по полю, да дальше по травке, да дальше по кочкам.

Заманивает мышка-плутовка кошку под Заячьи ушки.

– Где ты, Кот, где, Котонай! – Котофеевна кличет.

Потеряли совсем Кота-седоуса из виду.

Блоховат был Кот, строковат Котонай, пел песенку.

Кошка из кона в ворота:

– Берегись, мышка, поймаю!

Мышка бегом, сиганула – живо-два – да в кон.

Кошка за мышкой, мышка от кошки, крутятся, кружатся мышки, хитрая мышка, плутиха, вот поддаётся, уж прыгнула кошка…

Стой! – березняк, Заячьи ушки, Громовая стрелка…

Туда-сюда, глянь, а мышек и нет – канули мышки.

Изогнула сердито Котофеевна хвостик, надула брезгливо красненький ротик, язычок навострила: «Тут они где-то, а где, не поймёшь».

– Чтоб вас нелёгкая! – И пошла Котофеевна.

Шла искать Котоная, курлыкала.

Вянули ветры, пыхало зноем.

А мышки оскалили зубки, взялись за зубы.

Полкулька растеряли по дороге – эка досада! – спросит с них Громовая стрелка, не даст им железные зубы.

Заячьи ушки – белая стенка загораживали мышек.

И тихо качались берёзы, осыпали на мышек золотые серёжки, висли прохладой.

Гуси-лебеди

Ещё до рассвета, когда черти бились на кулачки, и собиралась заря в восход взойти, и вскидывал ветер шёлковой плеткой, вышел из леса волк в поле погулять.

Канули черти в овраг, занялась заря, выкатилось в зорьке солнце.

А под солнцем рай-дерево распустило свой сиреневый медовый цвет.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери в поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей в поле, сама осталась на озере, села яйцо нести. Несла яйцо, не заметила, как уж день подошёл к вечеру.

Забеспокоилась мать, зовёт детей:

– Гуси-лебеди, домой!

Кричат гуси:

– Волк под горой!

– Что он делает?

– Утку щиплет.

– Какую?

– Серую да белую.

– Летите, не бойтесь…

Побежали гуси с поля. А волк тут как тут. Перенял все стадо, потащил гусей под горку. Ему, серому, только того и надо.

– Готовьтесь, – объявил волк гусям, – я сейчас вас есть буду.

Взмолились гуси:

– Не губи нас, серый волк, мы тебе по лапочке отдадим по гусиной.

– Ничего не могу поделать, я – волк серый.

Пощипали гуси травки, сели в кучку, а уж солнышко заходит, домой хочется.

Волк в те поры точил себе зубы: иступил, лакомясь утками.

А мать, как почуяла, что неладное случилось с детьми, снялась с озера да в поле. Полетала по полю, покликала, видит –

пёрышки валяются, да следом прямо и пришла к горке.

Стала она думать, как ей своих найти, – у волка были там и другие гуси, – думала, думала и придумала: пошла ходить по гусям да тихонько за ушко дергать. Который гусь пикнет, стало быть, её – матернин, а который закукарекает, не её – волков.

Так всех своих и нашла.

Уж и обрадовались гуси, содом подняли.

Бросил волк зубы точить, побежал посмотреть, в чём дело.

Тут-то они на него, на серого, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили под рай-деревом да такую баню задали, не приведи Бог.

– Вы мне хвост-то не оторвите! – унимал гусей волк, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились да опять на озеро: пора и спать ложиться.

Поднялся волк несолоно хлебавши, пошёл в лес.

Возныла тёмная туча, покрыла небо.

А во тьме белые томновали по лугу девки-пустоволоски да бабы-самокрутки, поливали одолень-траву.

Вылезли на берег водяники, поснимали с себя тину, сели на колоды и поплыли.

Шёл серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал о Иване-царевиче.

На озере гуси во сне гоготали.

Кукушка

Давным-давно прилетел кулик из-за моря, принёс золотые ключи, замкнул холодную зиму, отомкнул землю, выпустил из неволья воду, траву, тёплое время.

Размыла речка пески, подмыла берег, подплыла к орешенью и ушла назад в берега.

Расцвела яблонька в белый цвет, поблекли цветы, опадал цвет.

Из зари в зарю перекатилось солнце, повеяли нежные ветры, пробудили поле.

Сторожил кулик поле, ранняя птичка, подчищал носок.

По полю гурьбой шли девочки, рвали запашные васильки, закликали кукушку.

Кукушечье-горюшечье на виловатой сосне соскучилась, не сиделось кукушке в бору, поднялась в луга.

По дубраве дорожка лежит.

Девочки свернули на дорожку. Под широким лопухом несли кукушку, плели венки.

За дубравой на красе стоит гора-круча. На той горе на круче супротив солнца стоит берёзка.

Обливалась росой кудрявая берёзка.

Посадили девочки кукушку на берёзку. Заломили белую, заплели веночком. Схватились рука об руку и пошли вкруг кукушки.

– Кукушечка, боровая, чего в бору не сидела?

– Воли нету, воды нету.

– Где же воля?

– Пошла воля по лугам.

– Где вода?

– Пошла вода по болотам.

– Лети, кукушечка, лети, боровая, в лугах птички поют, соловей свищет.

Сели девочки на примятую траву, поели лепёшек, целовались, покумились друг с дружкой и в венках тронулись к речке.

Там разделись и с берега вошли в воду. По воде пустили венки.

Плыли венки, куковала кукушка.

– Кукушка, кукушка, сколько годов мне осталось жить?

Ушли обнявшись девочки с речки, закатилось солнце.

Вышла из бора старая старуха Ворогуша, пошла с костылём по полю.

Преклонялось поле, доцветал хлеб.

Перехожая звёздочка перешла к горе-круче, заблистала синим васильком.

Плыли венки, куковала кукушка.

– Кукушка, кукушка, сколько годов мне осталось жить?

Красная жар-жаром заря не гасла.

В высокой траве в петушках всю ночь до первых петухов стрекотал кузнец-чирюкан.

У Лисы бал

У лисы бал.
– Я пёс.
– Я бас.
– Я баран.
Это ноты.
Барабан.
Трам-там-там,
Трам-там-там.
По высоким горам,
по зелёным долам
чинно шествуем на бал.
Разбреда-емся,
собира-емся,
переходим ров и вал.
Осёл, козёл,
олень да лев,
медведюшка —
звери страшные,
звери важные,
сам с усам,
сам с рогам.
Трам-там-там,
Трам-там-там.
У лисы бал.
– Я пёс.
– Я бас.
– Я баран.
Это ноты.
Барабан.
Трам-там-там,
Трам-там-там.
Там, там.

Там.

1907

Александр Куприн

Скворцы

Была середина марта. Весна в этом году выдалась ровная, дружная. Изредка выпадали обильные, но короткие дожди. Уже ездили на колёсах по дорогам, покрытым густой грязью. Снег ещё лежал сугробам и в глубоких лесах и в тенистых оврагах, но на полях осел, стал рыхлым и тёмным, и из-под него кое-где большими плешинами показалась чёрная, жирная, парившаяся на солнце земля. Берёзовые почки набухли. Барашки на вербах из белых стали жёлтыми, пушистыми и огромными. Зацвела ива. Пчёлы вылетели из ульев за первым взятком. На лесных полянах робко показались первые подснежники.

Мы с нетерпением ждали, когда к нам в сад опять прилетят старые знакомые – скворцы, эти милые, весёлые, общительные птицы, первые перелётные гости, радостные вестники весны. Много сотен верст нужно им лететь со своих зимних становищ, с юга Европы, из Малой Азии, из северных областей Африки. Иным придётся сделать побольше трёх тысяч вёрст. Многие пролетят над морями: Средиземным или Чёрным.

Сколько приключений и опасностей в пути: дожди, бури, плотные туманы, градовые тучи, хищные птицы, выстрелы жадных охотников. Сколько неимоверных усилий должно употребить для такого перелёта маленькое существо, весом около двадцати – двадцати пяти золотников. Право, нет сердца у стрелков, уничтожающих птицу во время трудного пути, когда, повинуясь могучему зову природы, она стремится в место, где впервые проклюнулась из яйца и увидела солнечный свет и зелень.

У животных много своей, непонятной людям мудрости. Птицы особенно чутки к переменам погоды и задолго предугадывают их, но часто бывает, что перелётных странников на середине безбрежного моря вдруг застигнет внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, силы ослаблены дальним полетом… Тогда погибает вся стая, за исключением малой частицы наиболее сильных. Счастие для птиц, если встретится им в эти ужасные минуты морское судно. Целой тучей опускаются они на палубу, на рубку, на снасти, на борта, точно вверяя в опасности свою маленькую жизнь вечному врагу – человеку. И суровые моряки никогда не обидят их, не оскорбят их трепетной доверчивости. Морское прекрасное поверье говорит даже, что

неизбежное несчастие грозит тому кораблю, на котором была убита птица, просившая приюта.

Гибельными бывают порою и прибрежные маяки. Маячные сторожа иногда находят по утрам, после туманных ночей, сотни и даже тысячи птичьих трупов на галереях, окружающих фонарь, и на земле, вокруг здания. Истомлённые перелётом, отяжелевшие от морской влаги птицы, достигнув вечером берега, бессознательно стремятся туда, куда их обманчиво манят свет и тепло, и в своем быстром лёте разбиваются грудью о толстое стекло, о железо и камень. Но опытный, старый вожак всегда спасёт от этой беды свою стаю, взяв заранее другое направление. Ударяются также птицы и о телеграфные провода, если почему-нибудь летят низко, особенно ночью и в туман.

Сделав опасную переправу через морскую равнину, скворцы отдыхают целый день и всегда в определённом, излюбленном из года в год месте. Одно такое место мне пришлось как-то видеть в Одессе, весною. Это дом на углу Преображенской улицы и Соборной площади, против соборного садика. Был этот дом

тогда совсем чёрен и точно весь шевелился от великого множества скворцов, обсевших его повсюду: на крыше, на балконах, карнизах, подоконниках, наличниках, оконных козырьках и на лепных украшениях. А провисшие телеграфные и телефонные проволоки были тесно унизаны ими, как большими черными четками. Боже мой, сколько там было оглушительного крика, писка, свиста, трескотни, щебетания и всяческой скворчиной суеты, болтовни и ссоры. Несмотря на недавнюю усталость, они точно не могли спокойно посидеть на месте ни минутки. То и дело сталкивали друг друга, срываясь вверх и вниз, кружились, улетали и опять возвращались. Только старые, опытные, мудрые скворцы сидели в важном одиночестве и степенно чистили клювами пёрышки. Весь тротуар вдоль дома сделался белым, а если неосторожный пешеход, бывало, зазевается, то беда грозила его пальто и шляпе. Перелёты свои скворцы совершают очень быстро, делая в час иногда до восьмидесяти вёрст. Прилетят на знакомое место рано вечером, подкормятся, чуть подремлют ночь, утром – ещё до зари – лёгкий завтрак, и опять в путь, с двумя-тремя остановками среди дня.

Итак, мы дожидались скворцов. Подправили старые скворечники, покривившиеся от зимних ветров, подвесили новые. Их у нас было три года тому назад только два, в прошлом году пять, а ныне двенадцать. Досадно было немного, что воробьи вообразили, будто эта любезность делается для них, и тотчас же, при первом тепле, заняли скворечники. Удивительная птица этот воробей, и везде он одинаков – на севере Норвегии и на Азорских

островах: юркий, плут, воришка, забияка, драчун, сплетник и первейший нахал. Проведёт он всю зиму нахохлившись под застрехой или в глубине густой ели, питаясь тем, что найдёт на дороге, а чуть весна – лезет в чужое гнездо, что поближе к дому, – в скворечье или ласточкино. А выгонят его, он как ни в чем не бывало… Ерошится, прыгает, блестит глазёнками и кричит на всю вселенную: «Жив, жив, жив! Жив, жив, жив!»

Скажите, пожалуйста, какое приятное известие для мира!

Наконец девятнадцатого, вечером (было ещё светло), кто-то закричал: «Смотрите – скворцы!»

И правда, они сидели высоко на ветках тополей и, после воробьев, казались непривычно большими и чересчур чёрными. Мы стали их считать: один, два, пять, десять, пятнадцать… И рядом у соседей, среди прозрачных по-весеннему деревьев, легко покачивались на гибких ветвях эти тёмные неподвижные комочки. В этот вечер у скворцов не было ни шума, ни возни. Так всегда бывает, когда вернёшься домой после долгого трудного пути. В дороге суетишься, торопишься, волнуешься, а приехал – и весь сразу точно размяк от прежней усталости: сидишь, и не хочется двигаться.

Два дня скворцы точно набирались сил и всё навещали и осматривали прошлогодние знакомые места. А потом началось выселение воробьев. Особенно бурных столкновений между скворцами и воробьями я при этом не замечал. Обыкновенно скворцы по два сидят высоко над скворечниками и, по-видимому, беспечно о чём-то болтают между собою, а сами одним глазом, искоса, пристально взглядывают вниз. Воробью жутко и трудно. Нет-нет – высунет свой острый хитрый нос из круглой дырочки – и назад. Наконец, голод, легкомыслие, а может быть, робость дают себя знать. «Слетаю, – думает, – на минутку и сейчас же назад. Авось перехитрю. Авось не заметят». И только успеет отлететь на сажень, как скворец камнем вниз и уже у себя дома. И уже теперь пришёл конец воробьиному временному хозяйству. Скворцы стерегут гнездо поочерёдно: один сидит – другой летает по делам. Воробьям никогда до такой уловки не додуматься: ветреная, пустая, несерьёзная птица. И вот, с огорчения, начинаются между воробьями великие побоища, во время которых летят в воздух пух и перья.

А скворцы сидят высоко на деревьях да ещё подзадоривают: «Эй ты, черноголовый. Тебе вон того, желтогрудого, во веки веков не осилить». – «Как? Мне? Да я его сейчас!» – «А ну-ка, ну-ка…» И пойдёт свалка. Впрочем, весною все звери и птицы и даже мальчишки дерутся гораздо больше, чем зимой. Обосновавшись в гнезде, скворец начинает таскать туда всякий строительный

вздор: мох, вату, перья, пух, тряпочки, солому, сухие травинки. Гнездо он устраивает очень глубоко, для того чтобы туда не пролезла лапой кошка или не просунула свой длинный хищный клюв ворона. Дальше им не проникнуть: входное отверстие довольно мало, не больше пяти сантиметров в поперечнике. А тут скоро и земля обсохла, душистые берёзовые почки

распустились. Вспахиваются поля, вскапываются и рыхлятся огороды. Сколько выползает на свет божий разных червяков, гусениц, слизней, жучков и личинок! То-то раздолье! Скворец никогда весною не ищет своей пищи ни в воздухе на лету, как ласточки, ни на дереве, как поползень или дятел. Его корм на земле и в земле. И знаете, сколько истребляет он в течение лета всяких вредных для сада и огорода насекомых, если считать на вес? В тысячу раз больше собственного веса! Зато и проводит он весь свой день в непрерывном движении.

Интересно глядеть, когда он, идя между грядок или вдоль дорожки, охотится за своей добычей. Походка его очень быстра и чуть-чуть неуклюжа, с перевалочкой с боку на бок. Внезапно он останавливается, поворачивается в одну сторону, в другую, склоняет голову то налево, то направо. Быстро клюнет и побежит дальше. И опять, и опять… Чёрная спинка его отливает на солнце металлическим зелёным или фиолетовым цветом, грудь в бурых крапинках, И столько в нём во время этого промысла чего-то делового, суетливого и забавного, что смотришь на него подолгу и невольно улыбаешься.

Лучше всего наблюдать скворца рано утром, до восхода солнца, а для этого надо и вставать пораньше. Впрочем, старинная умная поговорка гласит: «Кто рано встал, тот не потерял». Если вы по утрам, каждый день, будете сидеть тихо, без резких движений где-нибудь в саду или в огороде, то скворцы скоро привыкнут к вам и будут подходить совсем близко. Попробуйте бросать птице червяков или крошки хлеба сначала издалека, потом всё уменьшая расстояние. Вы добьётесь того, что через некоторое время скворец будет брать у вас пищу из рук и садиться вам на плечо. А прилетев на будущий год, он очень скоро возобновит и заключит с вами прежнюю дружбу. Только не обманывайте его доверия. Разница между вами обоими только та, что он маленький, а вы – большой. Птица же создание очень умное, наблюдательное: она чрезвычайно памятлива и признательна за всякую доброту.

И настоящую песню скворца надо слушать лишь ранним утром, когда первый розовый свет зари окрасит деревья и вместе с ними скворечники, которые всегда располагаются отверстием на восток. Чуть немного согрелся воздух, а скворцы уже

рассеялись на высоких ветках и начали свой концерт. Я не знаю, право, есть ли у скворца свои собственные мотивы, но вы наслушаетесь в его песне чего угодно чужого. Тут и кусочки соловьиных трелей, и резкое мяуканье иволги, и сладкий голосок малиновки, и музыкальное лепетанье пеночки, и тонкий свист синички, и среди этих мелодий вдруг раздаются такие звуки, что, сидя в одиночестве, не удержишься и рассмеёшься: закудахчет на дереве курица, зашипит нож точильщика, заскрипит дверь, загнусит детская военная труба. И, сделав это неожиданное музыкальное отступление, скворец, как ни в чем не бывало, без передышки, продолжает свою весёлую, милую юмористическую песенку. Один мой знакомый скворец (и только один, потому что слышал я его всегда в определённом месте) изумительно верно подражал аисту. Мне так и представлялась эта почтенная белая чернохвостая птица, когда она стоит на одной ноге на краю своего круглого гнезда, на крыше малорусской мазанки, и выбивает звонкую дробь длинным красным клювом. Другие скворцы этой штуки не умели делать.

В середине мая скворец-мамаша кладёт четыре-пять маленьких, голубоватых глянцевитых яичек и садится на них. Теперь у скворца-папаши прибавилась новая обязанность – развлекать самку по утрам и вечерам своим пением во всё время высиживания, что продолжается около двух недель. И, надо сказать, в этот период он уже не насмешничает и никого не дразнит. Теперь песенка его нежна, проста и чрезвычайно мелодична. Может быть, это и есть настоящая, единственная скворчиная песня?

К началу июня уже вылупились птенцы. Птенец скворца есть истинное чудовище, которое состоит целиком из головы, голова же только из огромного, жёлтого по краям, необычайно прожорливого рта. Для заботливых родителей наступило самое хлопотливое время. Сколько маленьких ни корми – они всегда голодны. А тут ещё постоянная боязнь кошек и галок; страшно отлучиться далеко от скворечника.

Но скворцы – хорошие товарищи. Как только галки или вороны повадились кружиться около гнезда – немедленно назначается сторож. Сидит дежурный скворец на маковке самого высокого дерева и, тихонько посвистывая, зорко смотрит во все стороны. Чуть показались близко хищники, сторож подаёт сигнал, и все скворечье племя слетается на защиту молодого поколения.

Я видел однажды, как все скворцы, гостившие у меня, гнали по крайней мере за версту трёх галок. Что это было за ярое преследование! Скворцы взмывали легко и быстро над галками, падали на них с высоты, разлетались в стороны, опять смыкались

и, догоняя галок, снова забирались ввысь для нового удара. Галки казались трусливыми, неуклюжими, грубыми и беспомощными в своём тяжёлом лёте, а скворцы были подобны каким-то сверкающим, прозрачным веретенам, мелькавшим в воздухе. Но вот уже конец июля. Однажды вы выходите в сад и прислушиваетесь. Нет скворцов. Вы и не заметили, как маленькие подросли и как они учились летать. Теперь они покинули свои родные жилища и ведут новую жизнь в лесах, на озимых полях, около дальних болот. Там они сбиваются в небольшие стайки и учатся подолгу летать, готовясь к осеннему перелёту. Скоро предстоит молодым первый, великий экзамен, из которого кое-кто и не выйдет живым. Изредка, однако, скворцы возвращаются на минутку к своим покинутым отчим домам. Прилетят, покружатся в воздухе, присядут на ветке около скворечников, легкомысленно просвищут какой-нибудь вновь подхваченный мотив и улетят, сверкая лёгкими крыльями.

Но вот уже завернули первые холода. Пора в путь. По какому-то таинственному, неведомому нам велению могучей природы вожак однажды утром подаёт знак, и воздушная конница, эскадрон за эскадроном, взмывает в воздух и стремительно несётся на юг. До свидания, милые скворцы! Прилетайте весною. Гнёзда вас ждут…

1916